

Жанна
де СТАЛЬ
(1766–1817)

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Мериена
де СТАЛЬ

*Коринна,
или Италия*

Москва

ЭКСМО

2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)
С 30

Перевод с французского, комментарии *М. Черневич*

Разработка серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работы
художницы *Мари Элизабет-Луизы Виже-Лебрен*

Сталь, Жермена, де.

С 30   Коринна, или Италия : роман / Жермена де Сталь ;
[пер. с фр. М. Черневич]. — Москва : Эксмо, 2014. —
608 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-72431-4

Мадам де Сталь — французская писательница, известная также политическими и историческими сочинениями, бывшая в оппозиции Наполеону, держательница светского салона, в котором бывали Талейран и Б. Констан, по словам А. С. Пушкина, ее «удостоил Наполеон гонения, монархи доверенности, Европа своего уважения». «Коринна, или Италия» — это и красочный путеводитель по Италии и итальянскому искусству с яркими описаниями храмов, дворцов, праздников и обычаев, и роман о любви, о выборе между славой и любовью, затрагивающий и тему эмансипации. «Любви нас не природа учит // А Сталь или Шатобриан» (Евгений Онегин. Пропущенные строфы. А. С. Пушкин).

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Фра)

© Черневич М., перевод на русский язык,
комментарии. Наследники, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-72431-4

.....udrallo il bel paese
Ch'Apennin parte, e'l mar circonda e l'Alpe.

Petrarka*

---

* [...мои стихи услышит] прекрасная страна, которую разделяют Апеннины и окружают море и Альпы. *Петрарка*. Сонет CXLVI.

КНИГА ПЕРВАЯ

ОСВАЛЬД

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лорд Освальд Нельвиль, пэр Шотландии, собира-
ясь провести зиму в Италии, выехал в конце 1794
года из Эдинбурга. У него была красивая благородная
внешность, он отличался большим умом, принадлежал
к высшей знати и владел независимым состоянием. Но
тяжкая скорбь подорвала его здоровье, и врачи, опасаясь
за его слабые легкие, советовали ему подышать возду-
хом Юга. Он послушался их совета, хоть и не слишком
заботился о продлении своих дней. Все же он надеялся,
что смена новых впечатлений, ожидавших его в путе-
шестве, поможет ему рассеяться. Причиной его недуга
была одна из самых глубоких наших горестей — утрата
отца; злополучное стечение обстоятельств, муки раска-
яния, обостренные до крайности развитым нравствен-
ным чувством, еще больше растравляли его душевную
рану, в чем немалую роль играло и расстроенное вооб-
ражение. Когда человек подавлен несчастьем, он легко
убеждает себя, что сам виновен в своих бедствиях, а
гнетущая тоска способна смутить даже чистую совесть.

В двадцать пять лет лорд Нельвиль тяготился жиз-
нью; его рассудок судил обо всем предвзято, а болезнен-
ная чувствительность заранее отвергала все обольщения
сердца. Никто не выказывал себя более снисходитель-
ным, более преданным другом, чем он, когда кому-ни-

будь требовалась его помощь, но ничто не доставляло ему удовлетворения, даже сделанное им добро; он всегда и с большою охотой приносил в жертву свои личные склонности ради ближних; однако не одним лишь великодушием объяснялось подобное самоотречение: нередко причина его таилась в унынии, наполнявшем душу Освальда и делавшем его равнодушным к собственной участи. Люди, безразлично к нему относившиеся, обращали к своей выгоде эту особенность его характера и находили ее весьма привлекательной; те же, кому был дорог Освальд, замечали, что, заботясь о чужом благе, для себя он не ждал ничего, и огорчались, не имея возможности воздать ему за то счастье, какое он им дарил.

А между тем натура у Освальда была живая, впечатлительная, страстная; он сам увлекался и был наделен всем, что могло увлечь других; но горе и встревоженная совесть внушили ему страх перед судьбой: он решил, что обезоружит ее, ничего от нее не требуя. В строгом выполнении своего долга, в отказе от жизненных усад он надеялся найти защиту от тревог и волнений; его страшили душевные муки, он полагал, что нет таких ценностей в мире, ради которых стоило бы подвергать себя опасности вновь испытать эти страдания. Но если человек склонен испытывать душевные муки, какой образ жизни может от них оградить?

Лорд Нельвиль тешил себя надеждой, что покинет Шотландию без сожалений — ведь пребывание на родине не доставляло ему радости; но не так создано гибельное воображение пылких душ: он не подозревал, какие узы привязывали его к местам, где он так много пережил, — к его отчому дому. В этом доме были покой, к которым он не мог приблизиться без трепета; однако, удаляясь от них, он еще сильнее ощущал свое одиночество. Его сердце словно иссохло; он уже не в силах был проливать слезы, когда изнывал от горя; он утратил способность воскрешать в своей памяти мелочи семейного быта, которые раньше его так умиляли;

воспоминания его потускнели: они были так далеки от всего, что окружало его; он, как и прежде, постоянно думал о том, кого все время оплакивал, но все труднее становилось ему вызывать в своем воображении облик покойного.

Порой Освальд корил себя за то, что покинул места, где жил его отец. «Кто знает, — говорил он себе, — дано ли теньям усопших следовать всюду за теми, кого они любили? Быть может, им дозволено блуждать лишь близ мест, где покоятся их останки? Может быть, в это мгновение мой отец тоже тоскует обо мне? Но нет у него сил призывать меня из такой дали. Увы! Стечение неслыханных обстоятельств заставило его при жизни увериться в том, что я пренебрег его нежной привязанностью ко мне, нарушил свой долг перед отчизной, восстал против родительской воли, против всего святого на земле!» Эти мысли причиняли лорду Нельвилю такую нестерпимую боль, что он не только не мог ни с кем поделиться ими, но и сам боялся им предаваться. Ведь так легко причинить себе своими размышлениями непоправимое зло!

Особенно тягостно разлучаться с родиной, когда надо переплыть море, покидая ее. Торжественно путешествие, которое начинается с океанских просторов, так и чудится, что за спиной разверзается бездна и обратный путь уже отрезан навек! Впрочем, зрелище моря всегда производит сильное впечатление: словно возникает перед очами образ бесконечности, беспрестанно манящей к себе человеческую мысль, которая в ней бесследно теряется. Освальд стоял, опершись на кормило корабля, не сводя пристального взгляда с волн, и казался спокойным, ибо гордость, а вместе и робость почти никогда не позволяли ему открывать свои чувства — даже друзьям. Но его волновали мрачные думы. Освальд вспоминал юность, когда один лишь вид моря вызывал в нем стремление помериться с ним силами и он без оглядки бросался вплавь, рассекая волны руками.

«Для чего, — с горечью говорил он себе, — непрестанно предаваться размышлениям? Ведь столько наслаждения в деятельном существовании, в этой яростной борьбе, дающей ощущение могучей силы жизни! Тогда и сама смерть, быть может, становится славным подвигом: она настигает внезапно, ей не предшествует угасание. Но смерть, что приходит не по зову храбреца, а прокрадывается к нам потихоньку, в потемках, в долгие ночные часы отнимая у нас понемногу самое дорогое, не внемля нашим жалобам, отталкивая нашу руку и беспощадно направляя против нас вечные законы природы и времени, — такая смерть вселяет в нас презрение к судьбе человека, к бесплодности его страданий, к тщетным попыткам сопротивления, которые разбиваются о неизбежность».

Вот какие чувства обуревали Освальда; его состояние было тем мучительнее, что живость молодости соединялась в нем с привычкой к размышлениям, присущим иному возрасту. Он проникался мыслями, которые, должно быть, приходили в последние дни жизни к его отцу, но в меланхолические раздумья старости вносил пыл своих двадцати пяти лет. Он был ко всему безучастен, однако сожалел о счастье, будто у него еще сохранялись какие-то иллюзии. Такое противоречие, столь противное велениям природы, требующей согласованности и последовательности в естественном ходе вещей, приводило в смятение Освальда; однако его обхождение с людьми оставалось спокойным и ровным, а тихая грусть, далекая от дурного расположения духа, сообщала его характеру еще больше доброты и благожелательности.

Несколько раз при переходе из Гарвича в Эмден море угрожало бурей; лорд Нельвиль помогал советами матросам, подбадривал пассажиров, а когда сам брался за штурвал, заменяя на время рулевого, то обнаруживал большую силу и сноровку — и не только потому, что

был от природы ловок и подвижен, но и потому, что вкладывал душу во все, что ни делал.

Когда пришла пора расставаться, вся команда корабля окружила Освальда, желая с ним проститься; его благодарили за множество разных услуг, о которых он уже позабыл: то он часами играл с малым дитятей, то поддерживал старца во время качки... Подобное отсутствие себялюбия весьма редко встречается; целый день проходил так, что он совсем забывал о себе: он весь принадлежал людям, объятый тоскою и любовью к ним. Прощаясь с Освальдом, матросы в один голос твердили: «Да пошлет вам Бог больше счастья, дорогой наш милорд!» Между тем он ничем не выдал своего горя, и спутники его круга ни словом не обмолвились с ним об этом. Но простолюдины, с которыми редко бывают откровенны вышестоящие, привыкли без слов понимать чужие чувства; они сострадают вам, когда вы горюете, хотя и не знают причины ваших печалей; участие их непритворно, в нем нет и тени желания вас порицать или поучать.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Что бы ни говорили, но путешествие — одно из самых грустных удовольствий. Если вам хорошо в иностранном городе, это значит, что вы уже понемногу сроднились с ним; но проезжать через незнакомые страны, слышать едва понятный язык, видеть лица, не связанные ни с вашим прошлым, ни с будущим, — это значит испытывать полное одиночество, но не знать ни отдыха, ни душевного покоя. Вечная поспешность, стремление поскорее попасть туда, где никто вас не ждет, суета и хлопоты, единственной целью которых является удовлетворение любопытства, подрывают ваше уважение к себе, пока чужая обстановка не утратит хоть немного

своей необычности и ваши пристрастия и привычки не создадут для вас новых приятных уз.

Тоска Освальда удвоилась, когда он проезжал по Германии, направляясь в Италию. Шла война, и приходилось избегать близости Франции и пограничных с ней местностей¹; приходилось держаться и в стороне от армий, затруднявших движение на дорогах. Необходимость заниматься неизбежными дорожными мелочами и принимать каждый день и почти каждый час новые решения удручала лорда Нельвиля. Его здоровье, отнюдь не улучшившееся, вынуждало его к частым остановкам, меж тем ему хотелось ехать дальше и достичь наконец места своего назначения. Он кашлял кровью и совсем не следил за собой; считая себя виноватым, он осуждал себя с чрезмерной суровостью. Жить, по его мнению, стоило лишь для того, чтобы защищать свою страну. «Разве отчизна, — говорил он себе, — не имеет на нас родительских прав? Однако отчизне надобно служить с пользой для нее; к чему ей жалкое существование, какое я сейчас влачу, собираясь вымалывать у солнца крохи жизненных сил для борьбы против моих недугов? Лишь родной отец может принять сына в таком состоянии и тем сильнее любить его, чем горше он обижен природой и судьбой».

Лорд Нельвиль не оставлял надежду, что разнообразие дорожных впечатлений отвлечет его несколько от привычных мыслей; но было еще далеко до желанной цели. После большого несчастья приходится вновь осваиваться с окружающей обстановкой, свыкаться с лицами, которых видишь снова, с домом, в котором живешь, с повседневными занятиями, к которым должен вернуться. Каждое такое усилие дорого стоит человеку, а сколько подобных усилий надобно делать в пути!

Единственным развлечением лорда Нельвиля были прогулки в горах Тироля верхом на лошади, которую он вывез из Шотландии. Как все лошади этой страны, она поднималась вскачь на горные вершины, и он

обычно выбирал самые крутые тропинки, оставляя в стороне большую дорогу. Изумленные крестьяне испуганно вскрикивали, увидев всадника на краю пропасти, но потом хлопали в ладоши, восхищаясь его ловкостью, отвагой, проворством. Освальд любил смотреть в глаза опасности: это ощущение облегчало бремя его горести, на мгновение примиряло с жизнью, которую так легко было потерять и которую он и на сей раз отстоял у смерти.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перед отъездом из города Инсбрука в Италию Освальд слышал от негоцианта, у которого он некоторое время проживал, историю одного французского эмигранта, весьма располагавшую в его пользу. Граф д'Эрфейль, как звали этого человека, с совершенной невозмутимостью перенес потерю огромного состояния; с помощью своего музыкального дарования он зарабатывал на хлеб себе и своему престарелому дяде, за которым заботливо ухаживал до самой его кончины; он постоянно отказывался от денег, которые многие ему предлагали; во время войны он отличался блистательной, чисто французской отвагой и встречал все невзгоды с неизменной веселостью; сейчас граф д'Эрфейль намеревался поехать в Рим, отыскать там своего родственника, чьим наследником он был, и желал найти себе спутника или, вернее, друга, чтобы как можно приятнее совершить свое путешествие.

С Францией у Освальда были связаны самые горестные воспоминания; однако он был далек от предрассудков, разъединяющих два народа, и его близким другом был француз, в котором он находил превосходное соединение высоких душевных качеств. Вот почему, обратившись к негоцианту, поведавшему ему историю графа д'Эрфейля, Освальд изъявил готовность взять

с собой в Италию этого благородного и несчастного молодого человека. Не прошло и часа, как негоциант сообщил лорду Нельвилю, что его предложение с признательностью принято. Освальд был счастлив, что мог предложить французу свои услуги; но ему было нелегко отказаться от уединения, преодолеть свою застенчивость и внезапно очутиться в обществе совершенно незнакомого ему человека.

Граф д'Эрфейль явился к лорду Нельвилю лично его поблагодарить. Он отличался изящными манерами, был учтив без всякой чопорности и с самого начала знакомства держался с полной непринужденностью. Нельзя было не подивиться, глядя на этого человека, претерпевшего столько бед; он с таким мужеством принимал удары судьбы, что, казалось, просто не помнил о них; легкий тон, каким он говорил о своих злоключениях, придавал особую прелесть его беседе, правда, до тех пор, пока речь не заходила о других предметах.

— Я вам чрезвычайно признателен, милорд, — сказал граф д'Эрфейль, — за то, что вы увозите меня с собой из Германии¹, где я был готов умереть от скуки.

— Однако здесь вас все любят и почитают, — ответил лорд Нельвиль.

— У меня здесь есть друзья, — продолжал граф д'Эрфейль, — и я расстаюсь с ними с искренним сожалением; в этой стране можно встретить прекраснейших людей; но я не знаю ни слова по-немецки, и согласитесь, что изучение этого языка потребовало бы немало усилий и было бы для меня утомительно. С тех пор как я имел несчастье потерять своего дядюшку, я не знаю, как убить время; когда мне надо было ухаживать за ним, день мой был заполнен, а сейчас двадцать четыре свободных часа ложатся на меня невыносимым бременем.

— Нежное внимание, какое вы проявляли по отношению к вашему дяде, — сказал лорд Нельвиль, — вызывает самое глубокое уважение к вам.

— Я выполнял лишь свой долг, — возразил граф д'Эрфейль. — Бедняга осыпал меня благодеяниями, когда я был ребенком; я никогда не покинул бы его, доживи он хоть до ста лет! Счастье его, что он умер; пожалуй, такой конец был бы счастьем и для меня, — добавил он, смеясь, — у меня мало надежд в этом мире. Я старался изо всех сил, чтобы меня убили на войне, но уж раз судьба пощадила меня, надобно жить по возможности приятнее!

— Я благословил бы мой приезд сюда, — ответил лорд Нельвиль, — если бы вам было хорошо в Риме и если бы...

— Бог ты мой! — перебил его граф д'Эрфейль. — Мне везде будет хорошо: когда человек молод и весел, все улаживается! Мою философию я почерпнул не из книг и размышлений: меня многому научило общение с людьми и привычка переносить несчастья; и вы сами видите, милорд, я имею основания надеяться на случай — ведь он мне доставил возможность совершить путешествие вместе с вами.

С этими словами граф д'Эрфейль с величайшей грацией поклонился лорду Нельвилю и, условившись с ним о часе отъезда, удалился.

На следующий день граф д'Эрфейль и лорд Нельвиль отправились в путь. Обменявшись со своим спутником двумя-тремя фразами, которых требовала простая вежливость, Освальд в продолжение нескольких часов не произнес ни слова; однако, заметив, что молчание тяготит графа, он спросил, радует ли того, что он едет в Италию.

— Бог ты мой! — сказал граф д'Эрфейль. — Я знаю, чего мне ожидать от этой страны: я отнюдь не рассчитываю там развлекаться. Один из друзей моих, проживший в Италии полгода, рассказывал мне, что во Франции нет ни одного провинциального городка, где бы не было более порядочного театра и более приятного общества, чем в Риме; но, без сомнения, в этой древней